

© 2014 г.

А. А. Зедгенидзе

О НАЧАЛЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ХЕРСОНЕСА ТАВРИЧЕСКОГО

Карты Гераклейского полуострова, выполненные в 1786 г. под руководством К.И. Габлица, относятся к основным результатам начального периода исследования Херсонеса и являются важным историческим источником. Заслуга первой публикации одной из этих карт – «План развалинам древнего Херсона» – принадлежит митрополиту Евгению (Болховитинову). К дате, указанной на карте, – 1786 год – следует отнести начало исследования Херсонеса. До настоящего времени оно связывалось с проведением раскопок на Херсонесском городище в 1827 г. К. Крузе. Это время начала археологических раскопок Херсонеса, тогда как 1786 год – дата начала общего исследования Херсонеса Таврического.

Ключевые слова: историография Херсонеса, история археологии, полис, хора, Херсонес Таврический, князь Г.А. Потемкин, К.И. Габлиц, митрополит Евгений (Болховитинов).

Статья посвящена началу исследования Херсонеса Таврического, а именно работам К.И. Габлица и митрополита Евгения (Болховитинова), основными результатами которых были создание и публикация крупномасштабной карты Гераклейского полуострова. Эта карта является превосходным образцом научной документации и основой последующих археологических исследований Гераклейского полуострова. Археологическое значение карты обусловлено тем, что на ней зафиксированы остатки античной аграрной системы на Гераклейском полуострове. Эта система вплоть до 1990-х годов являлась наиболее полно сохранившейся в ареале расселения греков в средиземноморском и черноморском регионах. Именно с сохранностью сельскохозяйственной территории (хоры) Херсонеса связана его научная значимость. Сохранилось немало древнегреческих городов, они доступны для обозрения, однако их сельскохозяйственная территория окзывается, как правило, застроенной в последующие эпохи. Мы видим город, но не видим его хоры. Между тем именно хора в значительной степени была основой существования многих греческих полисов. В Херсонесе мы можем исследовать не только город, но и хору, т.е. изучать античное государство в его целостности. В этом смысле Херсонес является археологическим эталоном, моделью греческого полиса. Хора Херсонеса включала в себя систему наделов: на пространстве площадью около 100 км² пролегали параллельными линиями каменные полосы, пересекавшиеся под прямыми углами и делившие Гераклейский

Зедгенидзе Ангелина Андреевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры философии, культурологии и политологии факультета философии, культуры и искусства Московского гуманитарного университета.

полуостров на почти равные земельные участки. На некоторых из них сохранялись остатки строений. Разобраться в этой системе можно было путем нанесения ее элементов на карты и планы. Понимание этой сети сооружений как определенным образом организованной сельскохозяйственной территории Херсонесского полиса возникло не сразу, ее интерпретация продолжается до настоящего времени¹. Однако при всех разногласиях, связанных с истолкованием памятников хоры, важной составляющей ее изучения является фиксация их на карте или плане². С необходимостью подробного изучения карт Гераклеийского полуострова (включая карты XVIII в.) мы столкнулись, занимаясь исследованиями «древнего Херсонеса» Страбона. Изучение археологических карт должно способствовать интегрированной интерпретации этого памятника, т.е. пониманию его места и назначения в общей системе херсонесской хоры. При этом, изучая эти карты в археологическом плане, нельзя не коснуться истории их создания, которая является яркой страницей истории культуры России и связана с такими выдающимися именами, как Г.А. Потемкин, К.И. Габлиц, митрополит Евгений (Болховитинов).

Первый период исследований Крыма начинается сразу после присоединения территорий северного побережья Черного моря к России и определяется деятельностью основанной в 1724–1725 гг. Петербургской Академии наук³. В Крыму ярким образцом этой деятельности стали исследования К.И. Габлица. Обратимся к событиям, сделавшим возможными эти исследования.

8 апреля 1783 г. был издан манифест Екатерины II «О принятии полуострова Крымского, острова Тамань и всей Кубанской стороны под Российскую державу». Крым был наименован Таврической губернией, управление ею было поручено Г.А. Потемкину, светлейшему князю Таврическому – генерал-губернатору Новороссийского края. На берегах Ахтиарской (современной Северной) бухты разместили гренадерский батальон, полки и части полевой артиллерии. Сведения об Ахтиарской бухте длительное время собирали в Санкт-Петербурге, связывая с ней определенные планы. В 1773 г., т.е. за год до заключения Кючук-Кайнарджийского мирного договора, был снят первый план бухты. Было составлено подробное описание Ахтиарского рейда, указаны его размеры, вход в бухту, его окончечность, примыкающие к нему бухты и балки. На рейде Ахтиара в мае 1783 г. произошло соединение русских флотилий: эскадры вице-адмирала Ф.А. Клокачёва и кораблей Днепровской флотилии. Военно-морские силы юга России стали именоваться Черноморским флотом⁴. В донесении президенту Адмиралтейств-коллегии Ф.А. Клокачёв писал: «При самом входе в Ахтиарскую гавань дивился я хорошему ей с моря положению, а вошедши осмотревши, могу сказать, что во всей Европе нет подобной сей гавани положением, величиной и глубиной»⁵. Князь Г.А. Потемкин, осмотрев все бухты, указал на место возведения крепости и дал ей название – Севастополь. В докладе Екатерине II Потемкин писал: «По прилежнейшему обозрению нашлось, что нужнейшие места к укреплению в Тавриде суть следующая: главная и одна только крепость должна быть Севастополь при гавани того же имени»⁶. Отметим, что в первом по времени описании Херсонеса, составленном в 1578 г. Мартином Броневским⁷, посланником польского короля к крымскому хану, также упоминается «отличная пристань»: «Достойные удивления его развалины очень явно свидетельствуют, что это был некогда великолепный, богатый и славный город греков, древнейший на полуострове, многолюдный и знаменитый своею отличной пристанью»⁸.

¹ Saprykin 1994; Зубарь 2007.

² Зедгенидзе 2011.

³ Тункина 2003, 360–362.

⁴ Скориков 1997, 14–16.

⁵ Головачев 1872, 71.

⁶ Дубровин 1893, 121.

⁷ Броневский 1867, 341.

⁸ История основания Севастополя не может не вызвать у археолога параллели с основанием Херсонеса (при том, что мы, разумеется, понимаем условность этой параллели). Основание поселения, тем более удаленного от метрополии, требует предварительного

Основа исследования древних памятников Крыма была заложена князем Г.А. Потемкиным. Громадный размах его деятельности обусловил чрезвычайно разнообразный состав оставленных им документальных материалов. Их фонд в Российском государственном военно-историческом архиве, например, отнесен к первой категории. Приведем некоторые документы, связанные с созданием условий для изучения таврических древностей. Из письма князя А.А. Прозоровского (1777 г.) Г.А. Потемкину узнаем о выполнении им распоряжения Потемкина «...снять в Крыму все достойные примечания виды и старинные здания с нужною в округе их ситуациею... оные показать в перспективе, из чего наилучше видны будут все развалины древностей»⁹. 15 октября 1783 г. Г.А. Потемкин пишет Игельstromу, начальнику войск, расположенных в Крыму: «Рекомендую Вашему Превосходительству доставить ко мне следующие известия: (...) о числе состоящих во всем Крымском полуострове церквей христианских, не исключая и разрушенных». В ответ на это требование Игельstrom в июне 1784 г. представил Потемкину целое камеральное описание Крыма¹⁰. Прочитав некоторые ордера Г.А. Потемкина правителю Таврической области В.В. Каховскому. Ордер от 19 мая 1786 г.: «Отряженные по повелению моему для обмежевания области Таврической и делания оной карты, Генерального Штаба обер-квартирмейстры Афанасий Федоров, Фон Тизенгаузен, капитан Андрей Шостак, поручики: Семен Тюренинков, Христофор Сакович и Иван Казарин исполняя препорученное им дело с июля месяца семьсот восемьдесят четвертого года, оказали в оном опыты своего усердия; я, уважая оное и поощряя их к дальнейшим трудам, определяю им сверх получаемого ими по чинам жалованья другое из Таврических доходов»¹¹. Ордер от 5 июня 1786 г.: «Во уважении отличных трудов господина надворного советника Габлица за нужное счел я к получаемому им жалованью, шестистам рублям, прибавить еще по четыреста рублей начиная с 1 января сего 1786 года»¹². Ордер от 21 сентября 1786 г.: «Определенных в Тавриду иностранных художников, в приложенном реестре значащихся, препоручаю сим в особенное ваше признание. Не оставьте преподавать им всем выгод, какие от нас только могут зависеть... нужно также и прочим, которые сами собой работать предприимлют, подавать всякое содействие, приохочивая чрез то всякого рода художников в новонаселяемый ваш край». Ордер № 2 от 24 декабря 1786 г.: «Рекомендую Вашему Превосходительству об употреблении всемерного старания к отысканию в Тавриде сколь можно большего числа разных старых монет и медалей, несколько найденных там и представленных мне древних денег подаю повод надеяться, что при употреблении попечения вашего число сих знатным образом будет умножено»¹³.

Готовясь к прибытию императрицы Екатерины II в Тавриду, князь Г.А. Потемкин дает поручение К.И. Габлицу выполнить всестороннее описание области «по ее местоположению и по всем трем царствам природы»¹⁴. Потемкин действовал в духе своего времени. Стремление ученых XVIII в. к энциклопедическим знаниям стимулировалось и отвечало потребностям государства, которое открывало и осваивало собственные природные и культурные богатства. Одной из форм научной работы в этих условиях были «ученые путешествия», завершавшиеся подготовкой сводных описаний, справочников, атласов¹⁵.

изучения местности; это изучение было выполнено русскими военными. Едва ли греческие колонисты могли решиться основать полис без предварительного ознакомления с местностью. Предположения о наличии на месте будущего Херсонеса временной стоянки кораблей на пути к Боспору (Rostovtzeff 1922, 63; Жебелев 1953, 76) или эмпория (Блаватский 1954, 16) представляются нам вполне закономерными.

⁹ Дубровин 1885, 760.

¹⁰ Лашков 1897, 20–21.

¹¹ Киреенко 1897b, 1–2.

¹² Киреенко 1897a, 27.

¹³ Киреенко 1897b, 17, 27.

¹⁴ Габлиц 1821, 146.

¹⁵ Лебедев 1992, 56.

Показательно, что Потемкин избрал для выполнения задачи изучения памятников Крыма К.И. Габлица – одного из представителей передовых научных сил России того времени.

Карл Иванович Габлиц (1752–1821) – ученый-энциклопедист, естествоиспытатель, вице-губернатор Таврической области¹⁶. Родился он в Кенигсберге, откуда вместе с отцом в 1758 г. переехал в Россию; учился в гимназии Московского университета, затем на медицинском факультете университета. Далее цитируем его автобиографию: «Из числа академиков, отправленных в 1768 году по Высочайшему повелению по разным частям Российского государства для физических наблюдений и топографических описаний, прибыл в Москву профессор Гмелин», в плане которого было «не ограничиваться осмотром мест внутри пределов Российского государства лежащих, но приступить к описанию прилегающей к ним Персии и прочих берегов Каспийского моря»¹⁷. С.Г.Г. Гмелин (которому было тогда не более 21 года¹⁸) предложил 17-летнему Габлицу вступить в число участников его экспедиции, на что тот охотно согласился. В 1769 г. участие Габлица в экспедиции было утверждено Академией наук, после чего началось его путешествие с Гмелином. Объехав южную часть Воронежской губернии и донские земли, экспедиция из Астрахани отправилась морем в Персию, затем сухим путем в течение двух лет обошла весь западный и южный берег Каспийского моря с прилегающими Кавказскими горами. Экспедиция была сопряжена с тяжелыми лишениями: большая часть участников «сделалась жертвою персидских лихорадок и горячек... Одна токмо благодать Господня сохранила жизнь мою в сем многотрудном путешествии». Однако Гмелину экспедиция стоила жизни: в 1773 г. он «захвачен был лезгинцами в плен, в котором чрез несколько месяцев и скончал жизнь свою от изнурения и болезней»¹⁹. Габлиц в 1775 г. вернулся в Петербург и представил в Академию наук отчет о работе вместе с собранными материалами. В 4-м томе «Путешествия по России для исследования трех царств природы» Гмелина Габлиц опубликовал «Замечания о путешествии по персидской области Гилян» («Bemerkungen auf einer Reise durch die Persische Landschaft Ghilan»).

В 1776 г. Габлиц был утвержден корреспондентом Академии наук и в этом же году направлен в Астрахань на службу помощником директора Садовой конторы, «дабы приобретенные им знания мог употребить на пользу общую»²⁰. Однако русским правительством была поставлена новая задача – найти на Каспийском море удобное место для торговли с восточной Индией. В 1781 г. под руководством Потемкина из Астрахани в Каспийское море направилась экспедиция капитана 2-го ранга графа М.И. Войновича. Князь Потемкин, писал Габлиц, «требовал от Академии наук чиновника, который бы знал все берега Каспийского моря и политическое состояние живущих на них народов, мог бы вести исторический журнал во время нахождения эскадры на море и делать разные физические наблюдения, для сопровождения графа Войновича»²¹. Габлиц был направлен в экспедицию Войновича; его журнал с описанием посещенных эскадрой мест²² был представлен Потемкину, который преподнес его императрице. В мае 1784 г. Габлиц был направлен Потемкиным в Крым для выполнения описания полуострова. Работая со свойственным ему огромным рвением и не щадя сил, он трижды объехал Крымские горы, затем степную часть полуострова, посетил Тамань и в декабре 1784 г. закончил свое «Физическое описание Таврической области по

¹⁶ Автобиография: Габлиц 1821 (инициалы издателя этой автобиографии – Н.Г.; возможно, это Николай Греч, один из издателей «Сына отечества»). См. также: Евгений (митрополит) 1843, 101–105; РБС 1914, 10–14; Тункина 2002, 44.

¹⁷ Габлиц 1821, 102.

¹⁸ Габлиц 1821, 100; РБС 1914, 10.

¹⁹ Габлиц 1821, 103–104.

²⁰ Евгений (митрополит) 1843, 103.

²¹ Габлиц 1821, 109.

²² Исторический журнал бывшей в 1781 и 1782 годах на Каспийском море российской эскадры под командою флота капитана второго ранга графа Войновича. С картою оного моря. М., 1809 (издан на средства митрополита Евгения).

ее местоположению и по всем трем царствам природы». Этот труд стал первым научным описанием полуострова; необходимо также отметить невероятно короткий срок, за который Габлиц выполнил данное ему поручение. Его сочинение было представлено князем Потемкиным императрице, которая, как писал Габлиц в своем жизнеописании, «изволила принять оное с особенным удовольствием, повелев напечатать оное на собственный счет свой со всею типографической роскошью, а мне, за труд мой, пожаловала табакерку, бриллиантами осыпанную, изъявив при том Высочайшую свою волю, чтоб я составил и историческое описание помянутого края»²³. Это поручение было передано Потемкиным Габлицу. «Узнав, что прежние мои труды столь отлично были уважены, я с неограниченным рвением принялся за вновь возложенную на меня работу, познакомился в Москве с разными учеными и другими особами, имеющими большие библиотеки, и приступил к сочинению выписок из разных авторов, писавших о Крыме». Через четыре месяца после начала этой работы Габлиц был вызван Потемкиным в Петербург, где продолжил свое исследование, которое, вероятно, обсуждалось им с Потемкиным: «...он несколько раз сряду призывал меня по ночам беседовать о Крыме, а днем занимался я историческим моим описанием, для которого, живучи в Петербурге, собирать материалов довольно мне было удобства»²⁴.

В октябре 1786 г. Габлиц вновь отправляется в Крым, где заканчивает его историческое описание. Он пишет: «Сверх того я составил еще и другое сочинение, под заглавием: *Географические известия, объясняющие прежнее состояние Таврической области с тремя картами* и окончил всю работу мою до прибытия императрицы»²⁵. Карты, по словам Габлица, показывали «три важнейшие эпохи страны той, т.е. владение греков, генуэзцев и татар»²⁶. В 1786 г. Габлиц был назначен вице-губернатором Таврической области и в этом же году избран в почетные члены Академии наук. В мае 1787 г. прибыла в Крым императрица Екатерина II. Габлиц пишет: «князь Потемкин представил ей меня с историческим моим описанием и географическими известиями, и рекомендовал меня наилучшим образом. Императрица изволила принять сочинения мои весьма милостиво... Пожалованы мне орден Св. Владимира 4 степени и бриллиантовый перстень»²⁷. Самым впечатляющим эпизодом путешествия Екатерины II стал осмотр «пространной и знаменитой Севастопольской гавани и стоящего там на рейде Черноморского флота»²⁸. Европе и турецкому султану были продемонстрированы достижения России и ее могущество, однако Турция не отказалась от намерения отобрать у России ее завоевания на юге. России был предъявлен ультиматум с требованием возвращения Крыма. Началась русско-турецкая война 1787–1791 гг.²⁹ Габлиц писал: «Открывшаяся вскоре после отбытия Императрицы из Крыма с турками война уповательно была причиной, что сии мои сочинения не были напечатаны»³⁰. Однако сохранились карты Гераклейского полуострова, создание которых в 1786 г. под руководством Габлица можно отнести к основным результатам начального периода исследования Херсонеса.

Необходимо отметить, что XVIII век был временем стремительного прогресса русской картографии. Для археологов она явилась первоисточником в изучении пространственной организации античных городов и их территорий, а также древнего культурного ландшафта³¹. В 1786 г. было создано новое картографическое учреждение – Географический департамент кабинета его императорского величества, переданное в 1797 г. в Сенат, а в 1812 г.

²³ Габлиц, 1821, 146–147, 149–150.

²⁴ Габлиц, 1821, 149–150.

²⁵ Габлиц, 1821, 151–152.

²⁶ Габлиц 1803, 2.

²⁷ Габлиц 1821, 152.

²⁸ Храповицкий 1787, 76.

²⁹ Преображенский 2000, 28.

³⁰ Габлиц 1821, 152 (прим.).

³¹ Тункина 2003, 362.

вошедшее в Военно-Топографическое депо. Как указывает К.А. Салищев, «в 1763 г. был учрежден Генеральный штаб, основным занятием офицеров которого в мирное время являлось составление карт и производство съемок отдельных губерний... Многие из работ того периода могут служить предметом гордости русской картографии»³². В 1784 г. началось топографическое измерение Крыма партией офицеров Генерального штаба, результатом которого явилось составление в 1788 г. карты и атласа Таврической области³³. В 1786 г. выполняется топографическая съемка Гераклеийского полуострова и создаются его крупномасштабные карты, явившиеся первыми в Европе археолого-топографическими картами высокой степени точности.

Заслуга первой публикации карты «План развалинам древнего Херсона» принадлежит митрополиту Киевскому и Галицкому Евгению (Болховитинову). В статье митрополита Евгения, напечатанной в 1822 г. в «Отечественных записках» (статья подписана инициалом *Е.*), говорится: «Покойный К.И. Габлица описал следы древнего города Херсона и окрестностей оного. Он снял в 1786 г. и топографическую карту со следов сих, которую вместе с историческим своим описанием (курсив автора. – *А.З.*) всего Крыма, сочиненным по повелению императрицы Екатерины II, поднес ей в Крыму же 1787 года. Книга сия и все при ней приложенные карты остались неизданными; а сочинитель в списках только сообщал их многим своим приятелям. В 1808 году и я получил от него такую топографическую карту с описанием оной, которая полезна может быть... и для исторических исследований». Полученная от Габлица карта с названием «План развалинам древнего Херсона. Сочинен 1786» была опубликована митрополитом Евгением вместе с сопровождающей статьей в «Отечественных записках» в 1822 г. и переиздана в «Трудах и летописях Общества истории и древностей российских, учрежденного при Императорском Московском университете»³⁴. Эта карта, фиксирующая остатки античной межевой системы, стала основой для всех последующих археологических исследований Гераклеийского полуострова. О ее значимости свидетельствует в частности то, что спустя 131 год после ее первой публикации В.Д. Блаватский со ссылкой на «Отечественные записки», но без упоминания автора статьи – митрополита Евгения – издал карту вторично³⁵, после чего она вошла в современный научный оборот.

То, что карта, составленная под руководством Габлица, была издана именно митрополитом Евгением, не было случайностью. Митрополит Евгений Болховитинов (1767–1837) являлся почетным членом Петербургской Академии наук и действительным членом Российской академии, почетным членом всех российских университетов и многочисленных ученых обществ. Известно 107 работ митрополита Евгения (102 на русском и 5 на латинском языке), из них 85 опубликованы, 22 хранятся в рукописях. Среди сочинений митрополита Евгения нельзя не выделить «Словарь русских светских писателей, соотечественников и чужестранцев, писавших о России» и «Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина Греко-Российской Церкви». Назовем некоторые из его исторических работ: «Летопись древнего славяно-русского княжеского города Изборска», «Исторические разговоры о древностях Великого Новгорода», «Историческое изображение Грузии в политическом, церковном и учебном ее состоянии», «История княжества Псковского»³⁶. В целом, митрополит Евгений является одним из наиболее выдающихся историков первой трети XIX в. О его трудах ярко сказано М.П. Погодиным в речи при открытии первого русского археологического съезда в Москве: «Митрополит Евгений – это был наш неутомимый бенедиктинец, обладавший обширными и многосторонними сведениями в русской истории и беспрестанно их увеличивавший чтением и учением. Где судьба его ни

³² Салищев 1982, 344, 349.

³³ Лашков 1890, 15.

³⁴ Евгений (митрополит) 1822, 145–163 (цитата – со с. 156); 1828, 102–115.

³⁵ Блаватский 1953, 37.

³⁶ Подробнее о работах митрополита Евгения см. Сперанский 1885; Шмурло 1888а, 1888b; Зеленина, Лопухина 2008, 63–68.

водворяла, он тотчас начинал свои разыскания, собирания, описания, нисколько не думая о чести и славе... Он читал все, отмечал, выписывал и ссужал всем, кому что было нужно для исследований... В сочинениях его... рассыпано множество сведений новых и любопытных обо всех предметах истории и ее отраслей, а в последних заключается и большой запас собственно для археологии в описании образов и зданий. Относительно готовности содействовать ученым трудам Евгений был таков же, как и Востоков, Калайдович, Кеппен»³⁷. Не менее восторженная оценка трудам митрополита Евгения дана профессором Киевской духовной академии Я.К. Амфитеатровым: «Где только совершал он пастырское служение, везде, среди трудных занятий делами епархиальными, он стремился оживить память времен минувших, выбирал такие предметы, старался пролить на них свет, извлекал из забвения, все готовил для того, чтобы другим облегчить впоследствии путь к разысканиям и созданию отечественной истории»³⁸. Однако вклад митрополита Евгения в исследование Херсонеса до настоящего времени не был освещен ни в историографии полиса, ни в библиографии митрополита Евгения должным образом³⁹. Его имя было забыто и практически не упоминается в историографии хоры Херсонеса.

Существенно, что карта, опубликованная митрополитом Евгением, – не единственная карта, составленная под руководством Габлица. Одна из карт, выполненная топографом Пепелевым и заверенная Габлицем, была сравнительно недавно опубликована И.В. Тункиной⁴⁰, обнаружившей ее в Российском государственном военно-историческом архиве, что является важным вкладом в исследование картографии Гераклеяского полуострова. Название этой карты – «План развалинам древнего Херсона. С показанием бывших прямых улиц земляною и кварталов красною краскою означенных. Сочинен 1786 года». Подпись: «Чертил топограф 2 класса Пепелев», и автограф К.И. Габлица. Вероятнее всего, именно эта карта и была поднесена императрице Екатерине II. В последнее время нами в Научном архиве Национального заповедника «Херсонес Таврический» обнаружена карта (инв. № 182/1955) с названием «План развалин древнего Херсонеса с показанием бывших прямых улиц, красною краскою означенных, сочинен 1786 года ноября дня» и надписью: «Снимал план сочинял землемер подпорутчик Ананий Струлов» (сохранена оригинальная орфография). Теперь, при наличии этих карт, а также плана, опубликованного митрополитом Евгением, стало возможным их сопоставление. Но это другое, специальное исследование, которым мы занимаемся, готовя карты к изданию. В данной статье мы ограничимся описанием карты, изданной митрополитом Евгением, а также охарактеризуем общее значение его публикации.

Название карты помещено в овале, во врезке, в правом нижнем углу; здесь же нанесена линейка графического масштаба в верстах. Масштаб, измеренный по иллюстрации, составляет 1:91500. Дан указатель сторон света. План черно-белый, на русском языке. Исполнитель съемки плана не указан. Легенда и расшифровка буквенных обозначений отсутствуют. Рельеф вычерчен штрихами. План охватывает площадь около 100 км², обозначены часть Черного моря, Севастопольская бухта, Севастополь, монастырь Св. Георгия, дорога в Балаклаву, дорога из Балаклавы, дорога в Симферополь, хутор 2-го ранга капитана Алексеянова. Гераклеяский полуостров представлен разделенным на участки сеткой пересекающихся двойных линий под углом около 90°. Штриховка между линиями, на более густая и темная по одной стороне, придавала четкость рисунку линий «улиц». На некоторых из площадей местоположения строений показаны значками и сопровождаются обозначением букв – А и В. Разделительные линии не простираются на перешеек Маячного полуострова и на Херсонесское городище.

В исполнении плана видна рука высококвалифицированного топографа, работа которого проверялась в XX в. Так, С.Ф. Стржелецкий отмечал точность фиксации основной пла-

³⁷ Погодин 1869, 42–43.

³⁸ Цит. по: Шмурло 1888b, V.

³⁹ Зедгенидзе 2012a, 67–69; 2012b, 28.

⁴⁰ Тункина 2002, 485, рис. 126.

нировочной схемы на карте 1786 г. Эта схема была проверена инструментальной съемкой на площади около 2000 га между Стрелецкой бухтой и Маячным полуостровом и затем положена в основу опубликованных С.Ф. Стржелецким планов⁴¹. Кроме того, проводилось сопоставление карты 1786 г. с материалами аэрофотосъемки 1961 г.⁴²

Известны две копии карты, опубликованной митрополитом Евгением:

1. Копия, хранящаяся в Научном архиве Национального заповедника «Херсонес Таврический», известная как карта из архива М.А. Моисеева (дело № 2100). Карта является миниатюрной копией плана, опубликованного митрополитом Евгением, с сохранением детальности, названия и подписей оригинала. Карта выполнена на коленкоровой кальке, наклеенной на тканевую основу. От черно-белой публикации карты митрополита Евгения данная копия отличается изображением красными двойными линиями размежевания Гераклейского полуострова и выделением городища Херсонес также в цвете – красными, ломаными линиями со штриховкой. Как и на плане, опубликованном митрополитом Евгением, автор съемки не указан. Карта опубликована американскими исследователями⁴³. Дж. Картер в качестве исполнителя карты упоминает русского военного инженера Строкова⁴⁴, хотя имя топографа на карте не указано.

2. Копия 1832 г.: «План развалинам древнего Херсониса сочинен 1786 года». Выполнена Прохоровым. Хранится в Российском государственном архиве Военно-морского флота в Санкт-Петербурге (ф. 1331, оп. 1, д. 191). Масштаб 1:63000 (1,5 версты в 1 дюйме). По сообщению А.Н. Щеглова⁴⁵, копия представляет собой несколько искаженное повторение плана, изданного митрополитом Евгением в 1822 г.

Наконец, необходимо также привести те фрагменты из работ Габлица и митрополита Евгения, которые содержат описание и интерпретацию античных памятников Гераклейского полуострова. Первое из этих описаний дается в «Изъяснении плана развалин древнего Херсона» Габлица, опубликованном митрополитом Евгением: «Найденные по сие время от одного города развалины состоят на юго-западной стороне Таврического полуострова, между Севастопольскою гаванью и Георгиевским мысом, простираясь в длину и ширину на 10 верст, а окружность их составляет около 35 верст. На всем оном пространстве не осталось уже никаких зданий в целости, но следы от бывших прямых и правильно расположенных улиц еще во многих местах усматриваются. Улицы сии расположены параллельно на один ромб и градусы, от берега моря во внутренность земли, на 10 верст в длину. Между улицами кварталы все единообразно содержат в длину 300, а в ширину 200 сажен, и судя по великому их пространству, нельзя думать, чтобы они заняты были одним только строением, а уповательно, что между селениями находились и сады». В «Изъяснении плана» также дается расшифровка буквенных обозначений на картах 1786 г.: под буквою А – «следы больших зданий, выстроенных по сторонам улиц», под буквою В – здания с колодцами, «под буквою С означены площади, на которых приметны многие следы от бывшего тут строения, но ныне до основания уже разрушенного. Под буквою D – крепость»⁴⁶.

Как видно, Габлиц называл разделительные линии на Гераклейском полуострове улицами. Митрополит Евгений отходит от этой точки зрения и пишет: «К.И. Габлиц проведенные на оной карте линии почитал улицами... По его же (между разговорами о сем) замечанию, линии сии пробучены плитным и щебневатым камнем глубоко в землю и не имеют на себе остатков голышевого камня, обыкновенно нужного для прочности мостовых; притом слишком размерная правильность кварталов едва ли употреблялась в древних городах; то я предложил ему тогда же свое мнение: что линии сии сделаны для предохранения всего косогора, под сим городом лежащего, от промыву поверхностною и подземною водою, и

⁴¹ Стржелецкий 1961, 7, 181, рис. 19; 182, рис. 20.

⁴² Щеглов 1993, 52.

⁴³ Crimean Chersonesos 2003, 45, fig. 6.1.

⁴⁴ Carter 2008, 183, fig. 3. 35.

⁴⁵ Щеглов 1993, 52.

⁴⁶ Евгений (митрополит) 1822, 158–161.

тем самым для прочности всех зданий в кварталах. Сие мнение не совсем опровергал и сам он»⁴⁷. Таким образом, митрополит Евгений отходит от положения о городе, занимавшем весь Гераклеийский полуостров (что считалось ошибкой Габлица), и высказывает предположение об одном из назначений разделительных стен – ирригационном.

В «Географических известиях» Габлиц дает трактовку сообщения Страбона о Херсонесе и «древнем Херсонесе»: «Новейшие историки и землеописатели весьма в том заблуждались, где он (Херсонес. – А.З.) находился... и отыскивали его там, где никогда не бывал». Страбон «объявляет его с великой точностью, что он состоял на гористом полуострове, который с одной стороны заключался Символьскою гаванью (Символон Лимин), а с другой гавань Ктенос... Под первым названием разумеется нынешняя Балаклавская; а под другим Ахтиарская или нынешняя Севастопольская гавань. Итак, нет сомнения, что находящиеся... неподалеку от сей последней на великое пространство развалины не были остатки оною (т.е. Херсонеса. – А.З.)... Но примечания достойно, что Страбон упоминает о двух городах того имени, из коих один состоял ближе к Символьской Гавани и в его время уже разорен был, а другой, тогда еще существовавший, находился на показанном месте»⁴⁸. Следует отметить правильность локализации Херсонеса и Страбонова «древнего Херсонеса» относительно друг друга. Приведем также описание К.И. Габлицем херсонесского городища. Это описание важно в связи с фиксацией сохранности его памятников: «В 1578 году состояли уже только одне стены сего города и несколько башен, из тесанных огромных камней построенные. Образ их строения и величина их доказывали прежнее великоление города. Церкви же и домы разорены уже были до основания и турки перевозили беспрестанно оттуда мраморные и серпентинные столбы в другие места. Теперь, исключая некоторых остатков от крепостных стен, множества камня повсюду разбросанного и оставшихся линий бывших улиц и разделений между строениями, ничего уже не осталось от оною города; но пространство, которое развалины его занимают, доказывает, что он имел около 11 верст в длину и столько же почти в ширину, следственно он был гораздо обширнее в последние времена, нежели когда Плиний его описывал»⁴⁹.

Работы Габлица и митрополита Евгения, и прежде всего карты 1786 г., являются важным историческим источником. Впервые были зафиксированы не только город («крепость» по К.И. Габлицу), окруженный оборонительными стенами, но и его округа с геометрическим принципом разделения земли. Исходя из названий карт А. Струлова, Пепелева и карты, опубликованной митрополитом Евгением, предполагалось⁵⁰, что Херсонес занимал весь Гераклеийский полуостров. Однако размежевание Гераклеийского полуострова, показанное на этих картах, не распространяется на территорию самого Херсонесского городища. Под названием «Херсон» можно было подразумевать не только город, но и прилегающую территорию, которой он владел, то, что теперь мы называем городом и хорой. Единым названием «Херсон» на плане объединялся город и окружающая территория, фиксировалось то, что Херсонес владел всем Гераклеийским полуостровом. Фактически была представлена межевая система территории греческого полиса, которая последующими исследователями⁵¹ реконструировалась и рассматривалась в качестве эталонной. Кроме того, фиксация размежевки существенна для восстановления общего количества участков на Гераклеийском полуострове и до сих пор используется при изучении пространственной организации Херсонесского полиса. Структура размежевания земли, зафиксированная на карте, опубликованной митрополитом Евгением, поставила ряд задач будущих исследований, а именно: принципы размежевания земли в античный период, характеристика площадей размежевания, распределение участков на них, их хронология, обусловленность размежевания историческими обстоятельствами. Таким образом, изучение хоры греческих полисов было

⁴⁷ Евгений (митрополит) 1822, 156–157.

⁴⁸ Габлиц 1803, 11.

⁴⁹ Габлиц 1803, 11, 16.

⁵⁰ Стржелецкий 1961, 7.

⁵¹ Щеглов 1993, 14.

начато в Херсонесе. Следы греческой регулярной системы межевания территории были открыты и картографированы в Южной Италии в окрестностях Метапонта аэрофотографией спустя более 160 лет после первой топосъемки Гераклеяского полуострова⁵².

Необходимо также заметить, что ввод фактического материала был сделан митрополитом Евгением корректно, без изложения предположений, которые могли бы увести последующих исследователей в бесцельные дискуссии. К рассматриваемой публикации можно отнести слова Е.Ф. Шмурло, сказанные им по поводу других работ митрополита Евгения: «Следствий и причин еще не видно было потому, что проблемы, связующие явления прошедшие с последующими, происходили прямо от недостатка материала... Объективность, строгая правда требовали лучше открыто признать свою невозможность ответа на вопрос, чем закрывать незнание мантией ложных рассуждений»⁵³. В речи при открытии первого русского археологического съезда М.П. Погодин, характеризуя в том числе наследие митрополита Евгения, сказал: «Не понимают науки те, которые думают, что она начинается ими», и дал совет последующим ученым «относиться к старым деятелям с большим почтением»; совету этому, по его словам, лучше всего быть поданным «из общества археологического, которого сущность и состоит в глубоком уважении старины»⁵⁴.

Результаты связанных с Херсонесом трудов К.И. Габлица и митрополита Евгения (а также несколько позже П.С. Палласа и Ф. Дюбуа де Монпере) относятся к тем научным открытиям, которые опережали свое время. Только в последующем столетии раскопки Херсонеса прямо подвели археологов к необходимости изучения полиса в целом – города и хоры; начало же этого изучения было положено названными энциклопедистами. К дате, указанной на карте, опубликованной митрополитом Евгением, – 1786 год – следует отнести начало исследования Херсонеса Таврического. До настоящего времени начало изучения Херсонеса связывалось с проведением раскопок на Херсонесском городище в 1827 г. морским офицером К. Крузе по инициативе командующего Черноморским флотом адмирала А.С. Грейга. Это время начала археологических раскопок Херсонеса, тогда как указанная нами дата – 1786 год – является датой начала общего исследования Херсонеса Таврического.

Литература

1. *Блаватский В.Д.* 1953: Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья (Причерноморье в античную эпоху. Вып. 5). М.
2. *Блаватский В.Д.* 1954: Архаический Боспор // МИА 33, 7–45.
3. *Броневский М.* 1867: Описание Крыма (Tartariae descriptio) // Записки Одесского общества истории и древностей. VI, 333–367.
4. *Габлиц К.И.* 1803: Географические известия, служащие к объяснению прежнего состояния нынешней Таврической губернии, собранные из разных древних и средних времен писателей, с тремя картами. СПб.
5. *Габлиц К.И.* 1821: Краткое описание жизни и службы тайного советника Карла Ивановича Габлица [Публикация Н.Г.] // Сын Отечества. Ч. 73. № XLIII, 97–112; № XLIV, 145–165.
6. *Головачев В.Ф.* 1872: История Севастополя как русского порта. СПб.
7. *Дубровин Н.Ф.* 1885: Присоединение Крыма к России. Т. 1. СПб.
8. *Дубровин Н.Ф.* 1893: Бумаги князя Григория Александровича Потемкина-Таврического. 1774–1788 гг. Сборник военно-исторических материалов. СПб.
9. *Евгений (митрополит)* 1822: О следах древнего греческого города Херсона, донныне видимых в Крыму // Отечественные записки. Ч. 9. Кн. 22, 145–163.
10. *Евгений (митрополит)* 1828: О следах древнего греческого города Херсона, донныне видимых в Крыму // Труды и летописи Общества истории и древностей российских, учрежденного при императорском Московском университете. Ч. IV. Кн. 1. М., 102–115.

⁵² Schmiedt, Chevallier 1960. См. также: Carter et al. 2000, 708.

⁵³ Шмурло 1888b, 390.

⁵⁴ Погодин 1869, 47.

11. Евгений (митрополит) 1843: Словарь русских светских писателей, соотечественников и чужестранцев, писавших в России. Т. 1. М.
12. Жебелев С.А. 1953: Возникновение Херсонеса Таврического // Северное Причерноморье. М.–Л., 74–81.
13. Зедгендзе А.А. 2011: Картографирование как способ изучения античного культурного ландшафта: хора Херсонеса Таврического // Культура информационного общества и проблемы модернизации России / А.В. Костина (ред.). М., 290–299.
14. Зедгендзе А.А. 2012a: Вклад митрополита Евгения (Болховитинова) в исследование Херсонеса Таврического // XXII конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Материалы. Т. 2. М., 66–69.
15. Зедгендзе А.А. 2012b: Митрополит Евгений (Болховитинов) и начало исследования Херсонеса Таврического // Человек в мире религиозных представлений. XIV Международная конференция по религии и религиоведению. Тезисы докладов. Севастополь, 28–29.
16. Зеленина, Лопухина 2008: Евгений (Болховитинов Е.А.) // Православная энциклопедия. XVII, 63–68. (<http://www.pravenc.ru/text/186969.html>; дата доступа 25. 05. 2013)
17. Зубарь В.М. 2007: Хора Херсонеса Таврического на Гераклеяском полуострове. История раскопок и некоторые итоги. Киев.
18. Киреевко Г.К. 1897a: Об ордерах князя Потемкина и графа Зубова, хранящихся в архиве Таврического губернского правления (1784–1796) // ИТУАК 3, 1–35.
19. Киреевко Г. 1897b: Ордера князя Потемкина, 1786 год (продолжение) // ИТУАК. 4, 1–31.
20. Лашков Ф.Ф. 1890: Князь Г.А. Потемкин-Таврический как деятель Крыма. Краткий очерк по архивным данным. Симферополь.
21. Лашков Ф.Ф. 1897: О камеральном описании Крыма 1784 г. // ИТУАК. 2, 20–33.
22. Лебедев Г.С. 1992: История отечественной археологии. 1700–1917 гг. Л.
23. Погодин М.П. 1869: Судьбы археологии в России. Речь, читанная при открытии первого русского археологического съезда в Москве // ЖМНП. CXLV, 24–47 (окончание: CXLVI, 31–39.)
24. Преображенский А.А. 2000: Россия в «Век Екатерины» // Законодательство Екатерины II / О.И. Чистяков, Т.Е. Новицкая (ред.). Т. 1. М., 9–45.
25. РБС 1914: Русский биографический словарь. Гааг–Гербель. М.
26. Салищев К.А. 1982: Картоведение. М.
27. Скориков Ю.А. 1997: Севастопольская крепость. СПб.
28. Сперанский Д. 1885: Ученая деятельность Евгения // Русский вестник. 1885. № 4–6.
29. Стржеleckий С.Ф. 1961: Клеры Херсонеса Таврического. К истории древнего земледелия в Крыму (Херсонесский сборник. Вып. VI). Симферополь.
30. Тункина И.В. 2002: Русская наука о классических древностях юга России (XVIII – середина XIX в.). СПб.
31. Тункина И.В. 2003: Первые исследовательские программы в классической археологии Северного Причерноморья (XVIII – середина XIX в.) // Проблемы античной истории. Сборник научных статей к 70-летию со дня рождения проф. Э.Д. Фролова / А.Ю. Дворниченко (ред.) СПб., 359–375.
32. Храповицкий А.В. 1787: Журнал высочайшего путешествия ее величества императрицы Екатерины II, самодержицы всероссийской, в полуденные страны России в 1787 году. М.
33. Шмурло Е. 1888a: Библиографический список литературных трудов киевского митрополита Евгения Болховитинова. Вып. 1. СПб.
34. Шмурло Е.Ф. 1888b: Митрополит Евгений как ученый. Ранние годы жизни. 1767–1804. СПб.
35. Щеглов А.Н. 1993: Первые археологические карты Гераклеяского полуострова (К истории археологической топографии) // Проблемы истории отечественной археологии. СПб., 51–53.
36. Carter et al. 2000: Carter J.C., Crawford M., Lehman P., Nikolaenko G., Trelogan J. Chora of Chersonesos in Crimea, Ukraine // AJA. 104. № 4, 707–741.
37. Carter J.C. 2008: La scoperta del territorio rurale greco di Metaponto. Venosa.
38. Crimean Chersonesos 2003: Crimean Chersonesos: City, Chora, Museum, and Environs / G.R. Mack, J.C. Carter (eds.) Austin.
39. Rostovtzeff M. 1922: Iranians and Greeks in South Russia. Oxford.
40. Saprykin S. Ju. 1994: Ancient Farms and Land-Plots on the Khora of Khersonesos Taurike. Amsterdam.
41. Schmiedt G., Chevallier R. 1960: Photographie aérienne et urbanisme antique en Grande-Grèce: Caulonia, Métaponte // Revue archéologique. I, 1–31.

ON THE BEGINNING OF STUDY OF CHERSONESUS TAURICA

A. A. Zedgenidze

The scholarly significance of Chersonesus lies primarily in the fact that its agricultural territory, the chora, was uniquely well preserved until very recently (up to the beginning of the 1990s). In Chersonesus we can therefore study both the city and its chora, i.e. the ancient state in its entirety. In this sense Chersonesus serves as an archaeological epitome, a model of a Greek city-state. An important component in the study of chora is putting its archaeological remains on a map or plan. Maps of the Herakleian Peninsula drawn in 1786 under the supervision of Karl Hablitz are the main result of the initial period of study of Chersonesus. These maps are prominent examples of scientific documentation and serve as an important historical source. One of them was first published by Metropolitan Evgeny (Bolkhovitinov). The date indicated on the map, 1786, marks the beginning of exploration of Chersonesus. Up to the present time it has been associated with the excavations carried out in 1827 by the marine officer K. Kruze. However, the year 1827 marks the beginning of archaeological excavations in Chersonesus, while 1786 should be regarded as the date when general research on Chersonesus began.

Keywords: historiography of Chersonesus Taurica, history of archaeology, polis, chora, Grigory Potemkin, Karl Hablitz, Metropolitan Evgeny (Bolkhovitinov).